

СКАЗКА О ЗУМЕРЕ НИКИТЕ О ТРЁХ КАМНЯХ ЕГО ВОЛШЕБНЫХ И О ЛЕНИ ЕГО ВЕЛИКОЙ

Роман-фэнтези

Элеонора Нечаева

Истории Буяна

Элеонора Нечаева

**Сказка о зумере Никите, о
трёх камнях его волшебных
и о лени его великой**

«Автор»

2026

Нечаева Э.

Сказка о зумере Никите, о трёх камнях его волшебных и о лени его великой / Э. Нечаева — «Автор», 2026 — (Истории Буяна)

Роман-фэнтези. Для читателей от 14+. Геймер Никита считал, что настоящая жизнь — на экране монитора. Реальность — скучная, а работать и учиться незачем. Но однажды дверь его саратовской квартиры открывает дверь в сказку. Теперь парню предстоит побыть Золушкой (и получить шваброй по спине), царевичем (и чуть не погубить царство), а также верхом на свинье сразиться с целой армией. Сможет ли ленивый зумер спасти волшебный мир и вернуться домой? И что для этого важнее — три волшебных камня или умение признавать свои ошибки? Искромётная, добрая и очень современная сказка.

© Нечаева Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Жизнь геймера	6
Глава 2. Остров	13
Глава 3. Я - не я.	20
Глава 4. Работа не волк?..	26
Глава 5. Колодец	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элеонора Нечаева

Сказка о зумере Никите, о трёх камнях его волшебных и о лени его великой

Пролог

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в типовой девятиэтажке спального района города Саратов, жил-был парень по имени Никита. Обычный такой зумер. Ни богатырского роста, ни особой удали молодецкой. Окончил он девять классов — и дальше учиться не пошёл.

— Зачем? — рассуждал Никита, наматывая на палец провод от старой зарядки. — В универе — скука, в техникуме — морока. Работать? От работы кони дохнут. Я лучше посижу.

Получать профессию и трудиться в поте лица он считал делом совершенно никчёмным. Ему вполне хватало маминой зарплаты, маминой квартиры и маминых сосисок, которые всегда лежали в холодильнике на второй полке.

Жил он вместе с мамой. Ну как «вместе»? Мама скорее воспринималась как обслуживающий персонал в тапках. Она бесшумно передвигалась по коридору, убирала чипсы с клавиатуры, оплачивала интернет и изредка, набравшись смелости, спрашивала:

— Никит, ты сегодня в магазин выйдешь? Хоть бы воздухом подышал.

На что Никита, не отрывая взгляда от монитора, отвечал коротко и весомо:

— Мам, не грузи. У меня тут финальный бой с драконом. Принеси лучше пельмени.

И мама приносила. Потому что любила. И потому что давно уже смирилась.

Никита обожал компьютерные игры. Ну как «обожал»? Он в них *жил*. Мир за окном — с его серым небом, смердящим мусорным баком, вечно сломанным лифтом и пьяным дядей Гришей из сорок пятой — казался Никите тусклой, забагованной версией реальности. А вот там, на мониторе, за мерцанием пикселей, цвела настоящая жизнь.

Там можно было стать эльфом, магом, космическим десантником или, на худой конец, грозным властелином подземелий. Там тебя уважали, боялись и носили на руках виртуальные девушки с неестественно большими глазами и броней, которая больше открывала, чем защищала.

Иногда, разумеется, Никита возвращался в нашу унылую реальность. Но исключительно по двум причинам: чтобы сходить в туалет и чтобы заглянуть в холодильник. Маршрут был отработан до автоматизма: кресло коридор санузел коридор кухня холодильник обратно в кресло. На всё про всё — минута сорок три секунды, если не залипать на дверцу холодильника.

Шло время. Каждый следующий день был похож на предыдущий. И Никита постепенно превращался в бледную тень самого себя, обросшую лёгкой небритостью и глубокой уверенностью в том, что весь мир — дурак, а он один всё правильно понял.

Однако, как известно из старых сказок, даже самое топкое болото таит в себе неожиданности. И даже в самой залипательной игре может вдруг выскочить баг, который перевернет всё с ног на голову.

Глава 1. Жизнь геймера

Утро началось как обычно.

Никита открыл глаза и несколько секунд смотрел в потолок. Белый, с трещиной от угла до люстры, которую мама обещала заклеить ещё три года назад. Трещина напоминала карту реки — или, если прищуриться, дракона, распластавшего крылья. Никита прищурился. Дракон. Точно. Вот голова, вот хвост, а вот крыло, которое упирается в плафон.

— Никита, завтрак! — донеслось из кухни.

Он не ответил. Протянул руку к тумбочке, нашарил телефон. Семь утра. Вчера он лёг в три — добивал последний уровень в «Драконьем Наследии». Клан писал в чат: «Ник, ты где? Решающая битва через час». А он уснул, не выключив даже наушники. Один наушник выпал, второй всё ещё тихо шипел где-то под подушкой.

— Никита!

— Иду, — буркнул он, не шевелясь.

Минута. Другая. Третья. Он представил, как встаёт, идёт на кухню, садится за стол. Это потребовало бы целых тридцать секунд активности. Слишком много. Он перевернулся на другой бок.

Мама вошла сама. В халате, с ложкой в руке, с выбившейся из пучка прядью седых волос.

— Ты опять не спал?

— Спал, — соврал Никита, не открывая глаз.

— До трёх сидел?

— До двух.

— Зачем ты врёшь?

— До двух тридцати.

Мама вздохнула. Поставила тарелку с овсянкой на тумбочку. Овсянка была жидкой, с кусочками яблока, которые плавали, как утопленники в мутной воде.

— Ешь, пока не остыло.

— Не хочу.

— Надо.

— Не буду.

Мама постояла секунду, потом развернулась и вышла. Никита слышал, как она гремит посудой на кухне, как открывает холодильник, как вздыхает. Потом — тишина. Звякнул замок входной двери. Она ушла на работу.

Никита открыл глаза. Овсянка стояла на тумбочке, остывала, покрывалась плёнкой. Он не любил овсянку. Не любил, когда мама стояла над душой. Не любил, когда она вздыхала.

Он сел, натянул наушники, включил заставку игры. Монитор мигнул, и мир за окном исчез. Вместо серого неба и девятиэтажки — тёмные своды подземелья, вместо маминого голоса — рык орков, вместо овсянки — зелье исцеления в виртуальной фляге.

Никита потянулся к клавиатуре, положил пальцы на WASD. Дыхание выровнялось. Сердцебиение замедлилось. Он был дома. Это и была его настоящая жизнь.

До полудня он прошёл два подземелья, убил трёх боссов и получил новый плащ — «Плащ призрачного стража», синий, с серебряной вышивкой. В реале такой плащ стоил бы ползарплаты мамы. В игре — два часа фарма и удачный выпад лута.

— Норм, — сказал он в клановый чат.

— Норм, — ответил Косой69. — А теперь давай на арену. Командный бой через пятнадцать минут.

— Без базара.

Никита открыл холодильник. На второй полке лежали сосиски. Он взял три, сунул в микроволновку, нажал «пуск». Пока грелись, успел проверить статистику: уровень — 89, сила — 1245, рейтинг в клане — третий. Лучше, чем в прошлом месяце, когда он был четвёртым. Прогресс.

Микроволновка пикнула. Он вытащил сосиски, на ходу сунул одну в рот, обжёт нёбо, выругался. Вторая и третья отправились в тарелку, которая стояла на столе ещё со вчера. Тарелка была грязной, с остатками кетчупа, но Никита не заметил. Или заметил, но ему было всё равно.

Он вернулся к монитору, перекусывая на ходу. Тарелку с сосисками не глядя бросил на край компьютерного стола. Пальцы нашли клавиши, глаза — прицел. Мир вокруг сузился до экрана, чата и голоса Косого в дискорде.

— Ник, ты с нами?

— Да.

— Готов?

— Всегда готов.

— Погнали.

Они вошли в арену. Противник — клан «Чёрный Ворон», уровень 90+, с двумя магами и танком. Никита играл лучником. Его задача — сидеть в тылу, снимать вражеских хилеров, не попадаться под раздачу.

Никита пялился в монитор. Стучал клавиатурой. С невероятной частотой дергал мышку.

— Ну? Придурки кривоногие, сейчас проиграем! — выкрикивал он. — Играть не умеете, чего в рейд поперлись?!

Никита кричал на сокомандников. Обзывал противников. Делал так всегда. И днем, когда мама была на работе. И ночью, не давая маме спать. Но невыспавшаяся перед работой мать не очень волновала Никиту, намного важнее была победа в компьютерной игре и уважение в клане. Иногда поздно ночью мама заходила в комнату Никиты, просила быть потише, ведь ей на работу. Она получала единственный ответ: «Уйди! Не мешай!»

И мама, глубоко вздыхая, возвращалась в свою комнату.

Так было и сейчас. Команда Никиты проиграла. Никита со злостью стукнул по столу.

Чат затих. Никита откинулся на спинку кресла. Кресло скрипнуло — старый друг, купленный ещё когда он ходил в пятый класс. Обивка протёрлась до дыр, из которых лезла жёлтая поролоновая начинка. Он провёл пальцем по одной из дыр, вытащил кусочек поролона, покрутил. Бесполезный. Как и он.

Мысль пришла неожиданно и тут же ушла, зарылась куда-то в подсознание. Никита встряхнул головой. Хватит. Надо собраться.

Он полез в инвентарь, перебрал шмот, заменил перчатки на те, что выпали в подземелье. Перчатки были зелёными, с шипами, повышали критический урон на 8%. Приятная мелочь.

В дверь позвонили.

— Мам, открой! — крикнул Никита, не отрываясь от монитора.

Тишина.

Он подождал секунду. Другую. Звонок повторился — настойчиво, требовательно.

— Мам!

И тут он вспомнил. Мама на работе. Ушла ещё в восемь, сказала: «Вернусь к семи, борщ в холодильнике». Он даже кивнул тогда. Или не кивнул? Наверное, не кивнул.

Звонок прозвенел в третий раз.

— Да иду я, иду, — буркнул Никита, отодвигая кресло.

Он натянул треники — те самые, серые, с дыркой на коленке, в которых ходил дома. Футболка была растянутой, с пятном от чипсов на животе. На ногах — носки, но не парные: один чёрный, другой серый с выпавшей резинкой.

Никита прошлёпал к двери, шурясь от яркого света в прихожей. На вешалке висели мамины куртки, его пуховик (не надевал уже два года), зонт со сломанной спицей. На полу — коврик с надписью «Welcome», который мама купила в прошлом году на распродаже.

— Кого там принесло? — спросил он у воздуха.

Открыл дверь.

На пороге стоял старец.

Не бомж. Не сосед. Не курьер. Самый настоящий старец — в длинном кафтане, расшитом золотыми нитями, с окладистой бородой, которая спускалась до пояса. На голове — высокая шапка, похожая на те, что носят бояре в исторических фильмах. В руках — посох. Деревянный, резной, с набалдашником в виде орлиной головы.

Никита хотел сказать: «Дядя, ты с какого праздника?» — но язык не повернулся. В горле пересохло. В голове зашумело. Старец смотрел на него — спокойно, внимательно, будто видел насквозь.

— Сынок, — молвил старец басом, от которого задребезжали стёкла в лоджии. — А не надоело ли тебе геймером слыть? Не желаешь ли сказку послушать? Да не простую, а с намёком. Для тебя, оболтуса, писанную.

Никита открыл рот. Закрыл. Хотел захлопнуть дверь, но рука не поднялась. Вместо этого он сделал шаг назад. Потом ещё один. Старец шагнул следом — и комната поплыла.

Всё началось с запаха. Сначала — мамины духи, те, что стояли на полке в ванной, «Сиреневый сад». Потом — дым. Тяжёлый, горький, от которого защипало глаза. А потом — холод. Не сквозняк из открытой форточки, а глубокий, древний холод, будто открылась дверь в подвал, где никто не был сто лет.

Никита моргнул.

Коврик «Welcome» исчез. На его месте лежала тряпичная половица, домотканая, с выцветшими узорами. Стены — не обои в цветочек, а тёсанные брёвна. Потолок — не белая побелка, а тёмные балки с паутиной.

Монитор погас. Клавиатура пропала. Кресло, в котором он провёл последние пять лет, превратилось в деревянную скамью.

— Что за — прошептал Никита.

Он огляделся. Изба. Настоящая русская изба. Печь — огромная, белая, с лежанкой. В углу — божница с иконой. На столе — чугунок. На полу — кот, чёрный, сонный, свернувшийся калачиком на половике.

— Это новая игра? — спросил Никита у кота.

Кот не ответил. Он вообще не пошевелился.

Никита подошёл к печи. Потрогал её рукой. Кирпич был холодным, шершавым, с выбоинами. Настоящим.

— Не может быть, — сказал он.

Он ущипнул себя за руку. Сильно. Сжал кожу ногтями, провернул.

— Ай!

Больно. Очень больно. На месте укуса осталось красное пятно.

— Это не сон, — сказал он вслух.

Голос прозвучал тонко, по-детски. Никита сглотнул. Горло пересохло. Он узнавал приближение паники — сначала холодеют пальцы, потом грудь сдавливают невидимым обручем, потом хочется бежать, кричать, биться головой о стену.

— Так, стоп, — сказал он себе. — Стоп. Вдох. Выдох.

Никита задыхался часто-часто. Глаза заматались по избе. Дверь. Он нашёл её — старую, деревянную, с ржавой щеколдой. Рванул к выходу.

Ноги запутались в половике. Он споткнулся о порог, вылетел наружу — и чуть не упал.

Потому что дома на земле не было.

Изба стояла на высоте. На скале. Или на столбе. Или на чём-то таком, что снизу было не разглядеть. Внизу, далеко-далеко, шумел лес. Кроны сосен казались мягкой зелёной ватой. По земле ползли тени от облаков.

Никита глянул вниз — и у него подкосились ноги. Желудок сделал кульбит. Ладони мгновенно взмокли.

Высота. Его самый жуткий, самый липкий, самый беспощадный кошмар. Он даже на лоджию на девятом этаже выходил, держась за стену. А тут — открытая дверь, порог, и сразу — пропасть.

— Мамочка, — прошептал Никита и отшатнулся назад.

Он захлопнул дверь. Щеколда дрожала под пальцами, но он её не тронул. Прислонился спиной к косяку и сполз на пол.

— Не выйду, — сказал он твёрдо.

Кот, чёрный, ленивый, поднял голову, посмотрел на Никиту жёлтыми глазами и снова уронил её на лапы. Ему было всё равно.

Никита сидел на полу, прижавшись спиной к двери. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони были мокрыми, ноги дрожали. Он смотрел на чёрного кота, который лежал на половике, свернувшись калачиком, и даже ухом не повёл.

— Ты кто? — спросил Никита шёпотом.

Кот приоткрыл один глаз. Жёлтый. С вертикальным зрачком. Посмотрел на Никиту — равнодушно, даже скучающе — и снова закрыл.

— Просто кот, — сказал Никита сам себе. — Просто чёрный кот. В избе. На скале. В лесу. Которого не существует.

Он нервно усмехнулся. Усмешка вышла истеричной.

Никита попытался встать. Ноги не слушались. Пришлось опереться руками о пол — доски были холодными, шершавыми, с занозами. Он поднялся на ватных ногах и, шатаясь, пошёл к печке.

Печь была огромной, занимала полстены. Белёная, с потрескавшейся штукатуркой. На лежанке лежала овчинная шуба — старая, драная, пахнувшая потом и дымом. Никита потрогал её. Настоящая.

— Это не игра, — прошептал он. — В играх нет запахов. Нет боли. Нет этого этого ужаса.

Он огляделся. В углу — деревянный стол. На столе — глиняная миска, в миске — мутная вода. Рядом — ломоть хлеба, чёрствого, с трещинами. Над столом — полка с иконами. Одна из них упала, лежала ликом вниз, припорошенная пылью.

Он прошёл в другой угол. Там стояла низкая скамейка. На скамейке — подушка, набитая сеном. Рядом — клубок шерсти и спицы. Наверное, здесь живет какая-то бабка. Но бабки не было.

— Эй! — крикнул Никита. — Есть кто живой?

Тишина. Только кот завозился на половике — перевернулся на другой бок.

Никита подошёл к окну. Окно было маленьким, с мутным стеклом в деревянной раме. Он попытался выглянуть — и отшатнулся. За окном было небо. Бесконечное, серое, без земли. Где-то далеко внизу — зелёное пятно леса. Голова закружилась.

— Не смотреть, — сказал он себе. — Не смотреть вниз.

Он закрыл глаза, прислонился лбом к холодному стеклу. Стекло дрожало от ветра.

— Мам, — прошептал он. — Где ты? Забери меня отсюда.

Но мама была далеко. В Саратове. Она сидела на работе, в своём маленьком кабинете, и не знала, что её сын сейчас находится в избе на скале, в чужом мире, без связи, без карты, без надежды.

Никита простоял у окна минут десять. Или час. Он не знал. Время здесь текло иначе — медленно, тягуче, как смола. Каждая минута растягивалась в вечность.

Он отошёл от окна, сел на скамью. Кот поднял голову, посмотрел на него.

— Ты хоть не исчезни, — сказал Никита. — Ты — единственное живое существо, которое я здесь вижу.

Кот моргнул. Потом медленно, очень медленно, поднялся. Он был крупным — размером с небольшого мопса, с густой чёрной шерстью, которая лоснилась в тусклом свете. Он потянулся — сначала передними лапами, потом задними, выгнув спину дугой. Потом подошёл к Никите, потёрся о его ногу.

— Ты меня слышишь? — спросил Никита. — Ты понимаешь, что я говорю?

Кот поднял голову, посмотрел ему в глаза. Жёлтые, глубокие, почти человеческие.

— Мяу, — сказал кот. Обычно, без всяких чудес.

— Ну и ладно, — вздохнул Никита.

Он погладил кота. Под пальцами чувствовалось ровное, живое тепло. Кот зажмурился, заурчал.

— Как тебя зовут? — спросил Никита. — Барсик? Мурзик? Васька?

Кот открыл глаза, посмотрел с укоризной.

— Ладно, не хочешь — не говори.

Никита замолчал. Кот улёгся у него на коленях, свернулся калачиком. Тяжёлый, как мешок с картошкой. Никита гладил его и думал.

Думал о том, как он оказался здесь. Старец в кафтане. Печь. Паутина. И этот чёрный кот, который сейчас греет его колени.

— Это всё сон, — сказал он себе. — Самый настоящий сон. Я сейчас проснусь. Открою глаза — и буду в своей комнате. Монитор горит. Чат открыт. Мама зовёт пельмени есть.

Он закрыл глаза. Сжал веки. Посчитал до десяти. Открыл.

Изба. Печь. Стол. Кот.

— Не спишь, — сказал он коту, словно это кот забрёл в чужую избу, а не он сам. — И не надейся.

Кот мурлыкнул. Словно подтвердил.

Никита просидел так ещё несколько минут. Потом встал — осторожно, чтобы не сбросить кота. Кот недовольно фыркнул, прыгнул на пол, потрусил к печке.

— Извини, — сказал Никита. — Надо искать выход.

Он прошёл по избе, осмотрел каждый угол. За печкой — деревянный ларь. В ларе — пусто. Только пыль и старый лапоть. Под столом — пусто. На полках — пусто. Только иконы, да свечи, да клубок шерсти.

Никита подошёл к двери. Приоткрыл её — на сантиметр, на два. В щель потянуло холодом, ветром, запахом сосен. Он посмотрел вниз — пропасть. Закрыл.

— Не выйду, — сказал он твёрдо. — Лучше с котом сидеть, чем туда смотреть.

Кот сидел на лежанке, умывался лапой. Деловито, спокойно. Его это не волновало.

Никита сел на скамью, взял клубок шерсти. Серая, грубая, пахнущая овцой. Спицы лежали рядом — деревянные, длинные, с заострёнными концами. Он покрутил их в руках.

— Интересно, что здесь вязали? — спросил он у кота.

Кот не ответил.

— Носки, наверное. Или свитер. Или шарф.

Никита отложил спицы. Взял с полки свечу — жёлтую, оплывшую. Понюхал. Пахло воском и дымом.

— Где хозяйева? — спросил он вслух. — Ушли? Или их и не было?

Он вспомнил, как открыл дверь. Как комната поплыла. Как стены превратились в брёвна. Он вроде бы видел бабку. Значит, она где-то здесь. Или исчезла. Или её и не было — просто мираж, галлюцинация, часть сна.

— Дурень, — кто-то сказал тихим голосом.

— Кто здесь? — подпрыгнул Никита.

Никита осмотрел глазами избушку. Никого не было. Только кот.

— Это ты сказал?

Никита подбежал к печке и усталился на свернувшегося калачиком кота. Кот и ухом не повел.

— Померещилось, — решил Никита.

Он потёр виски. Голова болела. Мысли путались.

— Ладно, — сказал он. — Подожду. Если никто не появится — придумаю что-нибудь.

Он лёг на лежанку. Шуба пахла овчиной и дымом. Кот тут же переместился к нему, устроился у него на животе, заурчал.

— Ты как грелка, — сказал Никита. — Хотя что-то хорошее.

Он закрыл глаза. Усталость навалилась мгновенно — будто кто-то выключил свет. Он провалился в сон, тяжёлый, чёрный, без сновидений.

Кот сидел у него на груди, жёлтые глаза горели в полумраке. Он смотрел на спящего Никиту, и в его взгляде было что-то большее, чем просто кошачье любопытство.

Но Никита этого не видел. Он спал.

Разбудил его скрип.

Никита открыл глаза. В избе было темно. Свечи догорели, только лучина мерцала в печурке, отбрасывая пляшущие тени на стены. Кот спал у него под боком, свернувшись клубком.

Скрип повторился. Со стороны двери.

Никита сел. Сердце забило быстрее. Кто-то открывал щеколду — медленно, осторожно, стараясь не шуметь.

— Эй, — позвал он. — Кто там?

Щеколда звякнула. Дверь приоткрылась.

На пороге стояла бабка.

Старая, в грязной потрёпанной одежде. Одна штанина короче другой, на плече — заплатка из мешковины. Лицо в морщинах, как печёное яблоко. Глаза — мутные, белесые.

Она вошла, закрыла за собой дверь, задвинула щеколду. Посмотрела на Никиту.

— Проснулся, — сказала она. Голос у неё был как несмазанная дверь — скрип, шорох, и непонятно: то ли слово, то ли просто воздух из лёгких выходит.

— Вы где были? — спросил Никита.

— По делу ходила, — ответила бабка. — В лес. За травами.

Она прошла к столу, села на скамью. Достала из кармана передника узелок, развязала. Внутри — сушёные коренья, какие-то листья, щепотка серого порошка.

— Помоги, — сказала она Никите. — Воды принеси. Вон, в кадке.

Никита посмотрел на кадку — деревянную, с обручами, стоявшую в углу. Он подошёл, заглянул. Вода была мутной, с ряской.

— Это пить нельзя, — сказал он.

— А ты и не пей, — ответила бабка. — Мне для отвара.

Никита зачерпнул кружкой, принёс. Бабка высыпала травы в чугунок, залила водой, поставила на печь.

— Садись, — сказала она, кивнув на лавку. — Поговорить надо.

Никита сел. Кот прыгнул с лежанки, подошёл к бабке, потёрся о её ногу.

— Твой? — спросил Никита.

— Мой, — ответила бабка. — Это долгая история.

Она погладила кота. Тот заурчал.

— Ты, парень, — сказала бабка, глядя на Никиту, — попал, куда не просился. И теперь тебе выбирать.

— Что выбирать? — спросил Никита.

— Выход, — сказала бабка. — Домой хочешь?

— Хочу, — выпалил Никита.

— Тогда слушай.

Она запустила руку глубоко в карман своего грязного передника. Пошарила там, что-то выудила и выложила на стол.

Три камня.

Один — гладкий, серый, как асфальт после дождя. Второй — зеленоватый, с жилками, похожими на вены. Третий — почти прозрачный, холодный, обжигающий пальцы.

— Это тебе, — сказала бабка. — На три случая. Потратишь — дальше сам.

Никита уставился на камни.

— Что — сам? — спросил он.

— Сам решать, — ответила бабка. — Сам жить. Сам умирать. Камни — не игрушка.

Никита взял серый камень. Тёплый. Почему-то тёплый.

— И что с ними делать? — спросил он.

— Они сами всё сделают. Когда придёт время, — ответила бабка.

Она встала, подошла к печи, помешала отвар.

— А теперь, — сказала она, — пора тебе. Ждут тебя.

— Кто ждёт? — спросил Никита.

— Судьба, — ответила бабка.

Она взмахнула рукой — медленно, как дирижёр в финале симфонии.

И началось.

Сначала просто потянуло ветерком. Потом — сильнее. Половицы заскрипели в унисон. Паутина на печи заколыхалась. Кот зашипел, прыгнул на пол, прижал уши. Будто бы вырос в размерах.

— Что происходит?! — закричал Никита.

— Гейм овер, — сказала бабка.

Чисто. Чётко. С идеальным английским произношением. Без акцента.

Никита открыл рот, чтобы закричать, но воздух вырвал из лёгких все звуки. Его подхватило, закружило, закрутило в воронке из пыли, соломы, сухих листьев.

А бабка хохотала. Беззубым ртом.

И мир погас.

Глава 2. Остров

Никиту больно швырнуло на землю. Не мягко, не по-шепотке, как в кино, когда героя аккуратно опускает волшебный ветерок. Нет. Его швырнуло, как мешок с мокрыми тряпками. С размаху. Так, что в груди хрустнуло, а локти обожгло ссадинами.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком, и чувствовал каждую косточку. Песок набился в рот, под старую футболку, даже в уши. Где-то рядом, у самого лица, копошился мелкий краб — маленький, серый, с одним клешней больше другого. Краб посмотрел на Никиту выпученными глазами-стебельками и, решив, что этот здоровый тюфяк не представляет угрозы, неспешно пополз дальше по своим крабьим делам.

Никита закрыл глаза и попытался вспомнить, что случилось. В голове мелькали обрывки: бабка в избушке, три камня, её беззубый рот, «Гейм овер». А потом — воронка, пыль, сухие листья и этот чудовищный полёт. Он летел сквозь тьму, сквозь звёзды, сквозь время. Ему казалось, что прошли годы, но одновременно — лишь мгновение. Он видел лица: маму, которая плачет на кухне; старца в кафтане; старуху с камнями; чёрного кота с жёлтыми глазами. А потом — удар. И вот он здесь, на песке, под чужим небом.

Никита с трудом поднял голову. Шея затекла, лоб саднило. Он оперся на локти, подтянулся и сел. В висках стучало, перед глазами плыли фиолетовые круги.

Перед ним была вода.

Много воды. Очень много. Бесконечно много. Вода занимала всё пространство от горизонта до горизонта. Синяя, глубокая, с белыми барашками волн. И никакой земли — только вода, небо и облака, похожие на взбитые сливки.

— Я на острове? — спросил Никита. Голос прозвучал хрипло, слабо. Он обращался к пустоте, потому что больше обращаться было не к кому. — Откуда в Саратове остров?

Он зажмурился, потом снова открыл глаза. Вода не исчезла. Краб никуда не делся. Песок под пальцами был настоящий — крупный, жёлтый, с вкраплениями ракушек. Солнце стояло высоко, но грело слабо, будто сквозь пелену. Ветер дул с моря — солёный, прохладный, трепал волосы.

Саратов. Родной город. Волга. Набережная. Макаронная фабрика. Вот что должно быть вокруг. А не эта бесконечная синева.

Никита медленно, очень медленно повернул голову. Сначала налево — вода. Потом направо — вода. Потом назад, за спину — и там вода. Нет. Погодите.

За спиной было нечто другое.

За спиной Никиты был маленький костёр.

Никита с трудом встал, чуть покачиваясь из-за недавнего жёсткого приземления. Всё тело ломило. Локти саднили, колени дрожали. Он сделал шаг, второй — песок приятно проходил между пальцами голых ступней, Никита только сейчас заметил, что он без обуви. Кто же обувается, когда открывает дверь своей квартиры незваному гостю? Носки тоже куда-то исчезли. Он прищурился.

Костёр. Небольшой, аккуратный, сложенный из сухих веток и какой-то коры. Пламя было некрупным, но ровным, спокойным — языки огня лизали воздух, не разлетаясь искрами. Вокруг костра — ни души. Ни палатки, ни рюкзака, ни следов на песке. Только море, небо, дуб, краб, который уже куда-то уполз, и этот странный, ниоткуда взявшийся огонь.

Кто развёл огонь? Да и зачем он тут?

Мысль пришла внезапно, холодная и чёткая, как уведомление на телефоне: «Нельзя оставлять огонь без присмотра». Инструкция из уроков ОБЖ, которые он прослушивал, сидя на задней парте и играя в игры на телефоне. Тогда это казалось такой скукой. А теперь вдруг

всплыло в памяти слово в слово: «Покидая место стоянки, убедитесь, что костёр полностью потушен. Засыпьте его землёй или песком, залейте водой».

Воды рядом не было — точнее, она была, но вокруг. Море. Но ведра нет. Значит, песком. Надо погасить.

Никита подошёл ближе. Жар ударил в лицо — приятный, сухой. Пахло дымом, смолой и ещё чем-то древним, неуловимым. Он остановился сбоку от костра, поднял ногу и начал загребать песок внутренней стороной стопы — аккуратно, как учили, чтобы не раздуть угли, а именно засыпать их. Песок посыпался на пламя, огонь зашипел, плюнулся дымом

— Ты что творишь?

Никита замер. Нога застыла в воздухе.

Голос был низкий, раскатистый, с хрипотцой. Он шёл не сверху, не снизу, не с моря и не с дуба. Он шёл отовсюду и ниоткуда одновременно. Как будто воздух сам заговорил.

— Кто здесь? — крикнул Никита, резко обернувшись.

Никого.

Глаза заматались по сторонам. Песок — пусто. Дуб — пусто. Пещера — темнота. Море — только волны.

— Эй! Кто здесь? На помощь! Я заблудился!

Тишина. Только волны шуршат. И костёр шипит обиженно.

— Чего ты орёшь? — раздался голос совсем близко. Буквально у ног.

Никита посмотрел под ноги. Песок. Следы от его же загребаний. Никого.

— Здесь я! — рявкнул голос. — Дурень!

— Да где?! — в полном недоумении закричал Никита, разведя руки в стороны.

— Перед тобой!

Никита уставился на костёр.

Пламя в этот момент качнулось, будто потянулось к нему.

— Я Знич, — сказала пламя. — Я огонь.

Никита уставился в костёр.

Рот открылся сам собой. Брови поползли вверх. Челюсть отвисла так, что можно было закидывать пельмени без помощи рук.

— Ты что? — выдавил он. — Живой?

— А на что похоже? — огонь хмыкнул. Из его «рта» вылетела искра и тут же погасла в воздухе. — Ты чего песок на меня кидаешь? Совсем одурел? Я тут, понимаешь ли, сижу, грею остров, поддерживаю атмосферу. А он — песок!

Никита сделал шаг назад. Потом ещё один. Наступил на край воды — холодная волна лизнула пятку. Он отдёрнул ногу.

— Не может быть, — прошептал Никита. — Огонь не может говорить. Огонь — это это химическая реакция. Ты — галлюцинация. У меня сотрясение. Я ударился головой, когда приземлился. Точно. У меня галлюцинации.

— Химическая реакция? — перебил Знич. Голос его стал ниже, почти обиженным. — Я тебе сейчас покажу реакцию! Я, между прочим, древний дух! Я костры первых людей помню! Я в пещерах горел, когда твои предки ещё шкурами прикрывались! А ты мне — «реакция»!

Никита сел на песок. Прямо так, плюхнулся, потому что ноги больше не держали. Песок был прохладным, влажным у самой кромки воды.

— Я сплю, — сказал он твёрдо. — Это всё сон. Сейчас я проснусь. Сейчас я открою глаза — и буду в своей комнате. Монитор горит. Чат открыт. Мама зовёт пельмени есть.

Он зажмурился. Сильно-сильно. До искр в глазах. Посчитал до трёх. Открыл.

— Не спишь, — констатировал Знич. — И не надейся.

Никита всхлипнул.

— Ладно, — сказал он голосом человека, который сдался реальности окончательно и бесповоротно. — Допустим, ты — говорящий огонь. А я — Никита. Из Саратова. Я тут вообще случайно. Меня бабка какая-то с камнями сюда швырнула. Я не знаю, где я. Я не знаю, как отсюда выбраться.

Никита запустил руку в карман. Достал камни — серый, зеленоватый, прозрачный. Они лежали на ладони, прохладные и гладкие.

— Хочу домой! В Саратов! — крикнул Никита в ладонь с камнями. Ничего не произошло.

— В Саратов? — переспросил Знич с лёгким презрением. — Ну, не знаю. Я таких мест не знаю. Я вообще географию не очень. Я — огонь. Мне главное — дрова и кислород. А всякие там Саратовы — Он плюнул искрой, — не в моей компетенции.

Никита опустил голову. Плечи его поникли.

— Значит, никто не поможет.

— Не ной, — сказал Знич, и в голосе его вдруг прорезалась странная, почти человеческая теплота. — Ты не первый, кто на этот остров попадает. И не последний. Но обычно люди не пытаются меня песком затушить с первого же раза. Это, знаешь ли, не самый умный ход.

— Я думал, это просто костёр, — буркнул Никита.

— А я думал, ты просто дурак, — парировал Знич. — Но, видишь, мы оба ошиблись. Я — не просто костёр. А ты — он помолчал, языки пламени задумчиво лизнули воздух. — А ты, может быть, не просто дурак. Пока не знаю. Посмотрим. Ты лучше сухих веток принеси. Я проголодался.

Никита невесело усмехнулся, встал, отряхнул песок с треников и пошёл к дубу. Но на полпути остановился.

— Знич, — сказал он, не оборачиваясь. — А как ты сам здесь оказался? Ты говорил, что ты древний дух. Но как ты попал на этот остров?

Огонь помолчал. Пламя его пригнулось к земле, будто он задумался.

— Это долгая история, — сказал Знич. — Но раз уж ты спросил Слушай.

Никита вернулся к говорящему костру, опустился на влажный песок. Знич продолжил:

— Когда-то, очень давно, здесь не было острова. Было море. Бесконечное, холодное, тёмное. А под морем спал вулкан. Он спал тысячелетия. А потом проснулся. Извержение было страшным — лава кипела, пар застилал небо, земля содрогалась. Из воды поднялась скала. Остывая, она покрылась пеплом. Потом ветер принёс семена. Выросли сосны, дуб. Прилетели птицы. Приползли крабы.

Никита внимательно слушал, а Знич продолжал свой рассказ:

— Молния ударила в сухое дерево, и я родился. Сначала я был маленьким — спичка, не больше. Но ветер раздул меня. Я горел день, неделю, месяц. А потом пришли люди. Они высадились на острове на лодке, заночевали у пещеры. Увидели меня — и подбросили веток. Я разгорелся, согрел их, отпугнул диких зверей. Они называли меня «живой огонь», «дух пламени». А я слушал их песни и сказки.

— Но сейчас на острове никого нет, — еще раз посмотрев по сторонам сказал Никита. — И как давно ты один?

Знич объяснял:

— Люди ушли, а я остался. Я горел здесь сотни лет. Видел, как остров менялся, как море выбрасывало на берег обломки кораблей, как приплывали новые люди. Некоторые из них разводили свои костры, и я перебирался к ним — делился теплом. А потом они умирали или уплывали. И я возвращался сюда, на этот берег, к этому дубу.

— Почему именно сюда? — спросил Никита.

— Потому что это мой дом, — просто ответил Знич. — Здесь я родился. Здесь я буду гореть всегда.

Никита молчал. Потом покачал головой.

— А я даже не знаю, где мой дом, — сказал он. — Вроде Саратов, но там я чувствовал себя чужим. Вообще чужим в этом мире. А здесь — тем более.

— Вот и ищи, — ответил Знич. — Дом не всегда место. Иногда — это люди. Или чувства. Или память.

Никита вздохнул, некоторое время смотрел на море, потом поднялся и молча пошёл собирать ветки. Он насобирал полную связку, аккуратно положил в огонь. Ветки затрещали, пламя взметнулось ярче.

Краб, который до этого полз куда-то в сторону, вдруг остановился, развернулся и неторопливо направился к костру. Он подполз к самому краю, поднял клешню и замер, будто прислушиваясь. Никита покосился на него, но краб не мешал — просто сидел и смотрел на огонь, щёлкая клешней в такт потрескиванию веток. Никита опустил голову, уставился в песок.

— Ладно, — сжалился Знич. — За то, что отдал дань уважения древнему божеству и покормил меня ветками, я помогу тебе. Но за то, что пытался меня песком убить, будет все не так уж просто. Дам я тебе три совета. А ты сам реши какой верный.

— И ты туда же. Просто помоги мне вернуться домой, ну пожалуйста — взмолился Никита.

— Я же сказал, что не могу. Не умею. Согреть могу, вылечить могу. В Саратов — не могу.

Знич замолчал. Никита тоже молчал, уставившись в горизонт. Море шумело, чайки кричали где-то вдалеке. Возникла неловкая пауза. Огонь прокашлялся и заговорил первым:

— Итак, три совета, — повторил Знич, и пламя его сделалось ровнее, глубже, будто он собирался с мыслями. — Но только один из них верный. Остальные два — нет. Какой именно правильный — ты должен понять сам. Я не подскажу. Не могу. Такие правила.

— Какие правила? — насторожился Никита. — Ты огонь. Ты можешь всё, что захочешь.

— Могу гореть, могу не гореть, — хмыкнул Знич. — Могу быть горячим, могу быть очень горячим. А врать или не врать — это не моя сила. Это мой выбор. И сегодня я выбрал загадку. Слушай да запоминай. Повторять не буду.

Пламя дёрнулось, вытянулось вверх, потом сжалось в маленький плотный шарик, будто огонь собирал всё своё внимание в кулак.

— Первый совет, — сказал Знич. — Иди в пещеру. Там, в глубине, есть родник. Напьёшься из него — и сразу окажешься дома. В Саратове. В своей комнате. Перед монитором. Мама позовёт пельмени есть. Самый быстрый путь. Только темно там и страшно. Но ты же не боишься темноты?

Никита сглотнул. Вход в пещеру чернел в стороне — узкий, низкий, заросший плющом. Он медленно подошёл к нему, остановился у самого края. Изнутри тянуло сыростью и холодом. Где-то в глубине капала вода — кап, кап, кап. Никита прищурился, пытаясь разглядеть хоть что-то, но тьма была плотной, как бархат. Ему показалось, что оттуда доносится шёпот — или ветер, или его собственное воображение. Он отступил, поёжился, отошёл от пещеры и снова опустился на песок рядом с костром.

— А второй? — спросил Никита, косясь на огонь.

— Второй совет, — Знич качнулся влево, будто посмотрел в сторону моря. — Жди здесь, на берегу. Через три дня приплывёт корабль. Купцы будут торговать шёлком и пряностями. Скажешь им, что ты из Саратова, попросишь подбросить. Они добрые, подвезут до большой земли. А там уже рукой подать до дома. Только три дня придётся сидеть без еды. Но ты же можешь потерпеть?

Никита почесал затылок.

— А третий?

— Третий совет, — Знич выдохнул облачко дыма, и в этом облачке на секунду показалось чьё-то лицо, но сразу растаяло. — Видишь дуб? Заберись на самую высокую ветку и прыгай вниз.

— Чего? — Никита выпучил глаза. — Ты с ума сошёл? Я с дуба прыгать не буду. Я высоты боюсь! У меня ноги подкашиваются, когда я на лоджию выхожу! А ты предлагаешь с дуба сигануть?

— А кто сказал, что правильный совет должен быть приятным? — философски заметил Знич. — Я просто даю варианты. Твоё дело — выбрать.

Никита замолчал. Он смотрел на огонь, перебирал в голове три совета. Пещера. Берег. Дуб.

Пещера — быстро, но темно и страшно. Очень страшно. Он терпеть не мог темноту. А тут — идти в чёрную дыру под землёй, где неизвестно, что водится.

Берег — долго. Три дня без еды. А есть хотелось уже сейчас. Желудок противно ныл, напоминая, что последние сосиски были съедены ещё в той жизни. Но зато безопасно. Сиди себе на песке, жди корабль. Никуда не лезешь.

Дуб — безумие. Прыжок с высоты. Причём с такой, что точно костей не соберёшь. Если только это не какой-то волшебный прыжок. Но Знич ничего не сказал про волшебство. Сказал просто: «Заберись на самую высокую ветку и прыгай вниз».

Никита поднял голову. Дуб возвышался над островом, тёмный, могучий, его крона уходила в сумеречное небо. Даже смотреть на верхушку было страшно.

— Слушай, Знич, — осторожно начал Никита. — А можно как-то понять, какой совет правильный? Ну, там, по логике или по по цвету?

— Нельзя, — отрезал огонь.

— По запаху?

— Нельзя.

— По температуре?

— Нельзя, нельзя, нельзя, — Знич аж зашипел от нетерпения. — Ты должен сам. Головой. Или сердцем. Или желудком. Не знаю, чем вы, люди, думаете. Но это не моя загадка. Это твоя.

Никита встал. Прошёлся по песку туда-сюда. Остановился у кромки воды. Холодные волны лизали пальцы ног.

Пещера. Берег. Дуб.

Он попытался представить каждый путь.

Пещера. Родник, который переносит домой. Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Как в дешёвых играх: выпил зелье — и ты на базе. Слишком просто. И Знич сказал: «Самый быстрый путь». А быстрые пути в его жизни всегда заканчивались багами. Или вирусами. Или тем, что комп зависал на синем экране.

Пещера — подозрительно.

Берег. Ждать три дня. Корабль с купцами. «Они хорошие, подвезут». А откуда Знич знает, что они хорошие? Он огонь. Откуда ему знать про купцов? И три дня без еды — это смерть. Не буквально, конечно, но он и полдня без еды не выдерживал. А тут три дня. Голодный желудок — плохой советчик.

Берег — тоже подозрительно.

Дуб. Прыгнуть с высоты. Это вообще идиотизм. Но если подумать Знич не сказал, что он разобьётся. Не сказал, что будет больно. Сказал просто: «прыгай». Как будто знает, что ничего страшного не случится. А может, это проверка на страх? Самый страшный совет — и он же самый правильный?

Никита вспомнил, что говорил старец в самом начале, когда ещё в квартире было: «Сказка с намёком. Для тебя, оболтуса, писанная». А в сказках всегда так: самый трудный путь оказывается верным. Самый страшный выбор — правильным.

— Знич, — сказал Никита, поворачиваясь к костру. — А если я выберу неправильный совет, что тогда?

— Тогда ты не вернёшься домой, — просто ответил огонь. — Или вернёшься, но не туда. Или вернёшься, но не тем. Вариантов много. Все плохие.

Никита поёжился. Ветер с моря стал холоднее.

— А ты не можешь хотя бы глазками подмигнуть, когда я скажу правильный вариант?

— Нет, — отрезал Знич. — Я не глазками. Я пламенем. А пламя не умеет подмигивать. Только гореть.

Никита замер. Посмотрел на пещеру. На море. На дуб.

Пещера — слишком легко. Берег — слишком долго. А дуб — слишком страшно.

Но в сказках, которые он читал в детстве (и которые мама читала ему перед сном, пока он не заменил их на ютуб), всегда побеждал тот, кто выбирал не лёгкий путь, не долгий, а тот, которого боялся.

— Я выбираю дуб, — сказал Никита твёрдо.

Пламя Знича колыхнулось. Огонь не сказал ни да, ни нет. Не похвалил, не осудил. Просто замер на секунду, а потом снова загорелся ровно.

— Твоё дело, — сказал Знич равнодушно. — Я предупредил.

— Ты ничего не предупреждал, — усмехнулся Никита. — Ты сказал, что один совет верный, а два нет. И я выбрал.

— Ну что ж, три совета я дал, — сказал Знич. — А теперь держи гостинец. На память о говорящих кострах.

Пламя дёрнулось, выстрелило искрой, и что-то маленькое, чёрное и твёрдое упало на песок рядом с Никитой. Он нагнулся, поднял.

Уголёк.

Обычный, обгоревший уголёк. Размером с ноготь большого пальца. Чёрный, шершавый, ещё тёплый.

— Это — Никита повертел его в пальцах, — уголёк?

— Уголёк, — подтвердил Знич.

— И что он делает?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Абсолютно ничего, — с явным удовольствием сказал Знич. — Он не светит, не греет, не исполняет желаний, не открывает порталы и не превращается в золото. Просто уголёк.

Никита уставился на огонь.

— Зачем он мне?

— Затем, — Знич говорил медленно, как будто объяснял первокласснику таблицу умножения, — чтобы ты помнил. Когда увидишь этот уголёк — вспомни, что был на острове. Вспомни, что разговаривал с огнём. Вспомни, что мир больше, чем монитор. А больше он ни для чего. Бесплезный подарок для полезного дела.

Никита хотел выкинуть уголёк в море. Прямо сейчас. Размахнуться и отправить его в волны, чтобы этот странный костёр видел, как Никита относится к бесполезным вещам.

Но не выкинул.

Вместо этого он сунул уголёк в карман — туда же, где лежали три камня. Теперь в кармане было четыре предмета. Три — непонятной силы. Один — вообще никакой.

Никита кивнул. Подошёл к дубу. Поставил босую ногу на нижний корень. Потом на второй. Потом ухватился за ветку.

Никита полез наверх.

Он лез долго. Пальцы срывались, колени дрожали. Он не смотрел вниз — ни разу. Только вверх, на ветки, на листья, на темнеющее небо. Ветер раскачивал дерево, и Никита на мгновение замирал, вцепившись в кору.

Когда он добрался до самой высокой ветки, которая могла его выдержать, он посмотрел вниз. Внизу было далеко. Очень далеко. Песок казался маленьким жёлтым пятнышком. Костёр — крошечной точкой. Море — бесконечной синью. Отсюда, с высоты, остров выглядел игрушечным — можно было разглядеть каждую сосну, каждый камень. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени тянулись от дуба к воде.

Никита посмотрел вниз, и сердце его пропустило удар. Высота всегда была его кошмаром. Но сейчас, стоя на шаткой ветке, он вдруг подумал о маме. О том, как она сидит на кухне одна. О том, как она плакала, когда он в очередной раз хлопнул дверью. О том, что он не сказал ей самого главного.

— Мам, — прошептал он. — Я люблю тебя. Прости, что я дурак.

Ветер дул сильнее, ветка скрипела. Никита сжал зубы. Страх был липким, тяжёлым, но внутри теплилась маленькая, глупая надежда: а вдруг это и есть тот самый верный путь?

— Мам, — прошептал он. — Ты не поверишь, что я делаю.

И прыгнул.

Ветка хрустнула под ногой. Воздух засвистел в ушах. Песок стремительно приближался. Никита зажмурился — и вдруг почувствовал, что падение прекратилось. В тот же миг мир перестал падать. Вместо песка под ногами оказались доски. Вместо неба — крыша. Вместо моря — запах пыли и старой ткани.

Он стоял на твёрдой земле. Целый. Невредимый. Ни одной ссадины.

Никита огляделся по сторонам. Он был на чердаке. Старом, но чистом. Крыша местами прохудилась. Солнечные лучи пробивались сквозь дыры, танцуя на пыльных досках.

Он перевёл дух. Сердце колотилось, но он был жив. Он был здесь. Где — здесь? Он осмотрелся. В углу стоял старый сундук, на стене висели какие-то тряпки. Пахло сеном и мышами.

— Что за — начал он. — Где я? Это не остров. Это чердак. Чей чердак?

Никита сделал шаг к двери, но не успел дотронуться до ручки — дверь с грохотом распахнулась сама.

— Золушка!!! Ты не приготовила обед, бездельница!!! А ну-ка живо принимайся за работу! Ни крошки не получишь, пока еда не будет готова, полы не будут блестеть, одежда не будет постирана! Что встала как вкопанная? Ты оглохла?

Не слушая крики женщины, Никита медленно подошёл к окну. В отражении была запачканная, худощавая девушка. Никита положил себе руки на грудь, отражение сделало то же самое. Он опустил глаза и понял, что женская грудь растёт из него.

— Твою ж мать — всё, что смог выдал из себя Никита.

Глава 3. Я - не я.

— Вы посмотрите на нее! — заверещала женщина, тыча в Никиту пухлым пальцем. — Стоит, собой любитесь! Замарашка несчастная!

Никита даже рта не успел раскрыть. А открывать, честно говоря, и не тянуло. Во рту пересохло, в голове шумело, а на груди — он всё ещё не мог к этому привыкнуть — висело то, чего у него отродясь не было.

Женщина прытко рванула навстречу к Никите. Для такой грузной тётки двигалась она с неожиданной скоростью — колобок на стероидах, подумал Никита, но додумать не успел. Потому что женщина схватила стоявшую в углу швабру — старую, с засохшей грязью на тряпке — и с размаху огрела растерянного парня по спине.

— Ай! — взвыл Никита. Боль обожгла лопатки, отдалась в рёбрах, в позвоночнике, в самом нутре. Он вжал голову в плечи и бросился в угол помещения, прикрываясь руками. — Женщина! Вы что, полоумная?! Зачем вы меня бьёте?!

Глаза грузной женщины округлились. Стали большими, круглыми, как блюдца. Она опустила швабру, и на лице её отразилось такое искреннее, такое глубокое недоумение, будто Никита только что заговорил на китайском.

— Женщина? — переспросила она. Голос её вдруг стал тихим, шипящим, как у змеи перед броском. — Я, которая кормит тебя и поит, даёт тебе крышу над головой! Я, которая терпит твою лень, твою неблагодарность! Да как ты смеешь, паршивая мерзавка, называть меня «женщиной»?!

Никита открыл было рот, но женщина уже снова рванула вперёд, размахивая шваброй как боевой булавой. Тряпка противно чавкала, описывая круги в воздухе.

— Матушка! — раздалось с лестницы. — Что здесь происходит?!

На чердак ввалились две девицы.

Никита замер.

Первая была маленького роста, с глазами — маленькими, широко посаженными, круглыми и выпуклыми. Её лицо напоминало окуня. самого настоящего речного окуня, которого Никита видел однажды в ящике на рынке, когда мама заставляла его тащить сумки.

Вторая была невзрачной. Вся в веснушках — мелких, рассыпанных по щекам и лбу, будто кто-то тряхнул перечницу. И в родинках. Одна родинка, самая крупная, украшала нос — сидела на самом кончике, как маленькая коричневая горошина. Девица то и дело косила на неё глаза, будто проверяла, на месте ли сокровище.

— Воспитываю эту негодницу! — повернувшись к ним, ответила женщина с фигурой колобка. Она перевела дух, поправила съехавший чепец и ткнула шваброй в сторону Никиты. — Стоит тут, любитесь собой, замарашка несчастная, а дела не деланы! Обед не готов! Полы немывы! Одежда не стирана! А она, видите ли, в окно смотрится!

Девицы противно хихикнули в свои ладошки. Они смотрели на Никиту с нескрываемым презрением. И швабра в руках их матери, зависшая над Никитой, их очень забавляла. Они явно ждали продолжения «воспитания».

— Я всё понял! — закричал Никита, выставив вперёд дрожащие руки. Он опасался новых ударов шваброй — спина гудела, будто на ней отбарабанили дробь. — Ща всё будет! Я сейчас! Сделаю! Всё сделаю! И обед, и полы, и стирку! Всё-всё-всё!

Женщины уставились на него.

В недоумении. В полном, абсолютном, первозданном недоумении. Окуневая девица приоткрыла рот, и на секунду Никите показалось, что сейчас оттуда вылетит воздушный пузырь, как у рыбок в аквариуме. Веснушчатая перестала коситься на родинку и замерла, как статуя.

— Понял, — повторил Никита и тут же понял, что сказал что-то не то.

Потому что они смотрели не на парня в трениках. Они смотрели на девушку. На Золушку. Которая только что сказала мужским голосом «я всё понял».

— Поняла, — быстро поправился Никита, стараясь сделать голос выше, тоньше, женственнее. Получилось похоже на чайник, который закипает и никак не может засвистеть. — Я хотела сказать поняла. Всё, мол, поняла, маменька. Всё сделаю. Сию минуту.

Окуневая девица склонила голову набок. Глаза её сузились.

— Маменька, — вкрадчиво заговорила она, не сводя с Никиты подозрительного взгляда, — ты бы послабже по голове её била. Разум, видимо, мутнеет у неё.

— Сама разберусь! — рявкнула женщина-колобок, отмахиваясь от дочки как от назойливой мухи. — Не будет обеда через полчаса — выпорю прилюдно!

И с этими словами она размахнулась и бросила швабру в забившегося в угол Никиту.

Швабра пролетела по дуге, тряпка распушилась в воздухе, как грязное знамя, и шмякнулась прямо в стену в сантиметре от его головы. Никита взвизгнул — противно, тоненько, по-девчачьи — и присел.

— Что встали?! — гаркнула женщина на девиц. — Платья на бал сами себя не выберут! Извозчик уже привёз ткани! Спускайтесь, смотрите! А ты, — она ткнула пальцем в Никиту, — чтоб через полчаса обед на столе стоял. Поняла?

Никита закивал так быстро, что чуть не свернул себе шею.

Некрасавицы запрыгали, заулюлюкали, захлопали в ладоши. Окуневая издала звук, похожий на карканье, веснушчатая запищала и сделала такое движение бёдрами, будто собиралась станцевать лезгинку. Они схватились за руки и побежали вниз по лестнице, топая так, что половицы заходили ходуном.

Женщина удалилась за ними, но на проходе обернулась. Кинула в сторону Никиты презрительный, долгий, ледяной взгляд — такой, от которого у нормального человека в Саратове замёрз бы чайник. И скрылась.

Никита остался в углу.

Он сидел на корточках, прижав колени к груди — к той самой груди, которая теперь была мягкой, женской, чужой. Спина болела. Локоть саднил — при падении он зацепился за гвоздь, и теперь из-под рукава сочилась тонкая струйка крови. В кармане лежали три камня и бесполезный уголёк.

Он пытался собрать мысли в кучу. Но мысли рассыпались, как фигурки пазла. Женщина с фигурой колобка. Дочки — окунь и веснушчатая с родинкой на носу. Швабра в качестве оружия. Обед через полчаса. Порка. Бал. Платья. Извозчик с тканями.

И он — Никита, зумер из Саратова — в теле Золушки, которая ничего не умеет, никогда не готовила, не стирала и даже полы мыла только один раз в жизни, да и то из пульверизатора, когда мама попросила «просто поппикать на фикус».

— Мамочка, — прошептал Никита в пустоту чердака. — Если ты меня слышишь пришли пельмени.

Чердак молчал. Только ветер гулял в прохуdivшейся крыше, и где-то внизу грохотали сапогами сёстры-некрасавицы.

Никита медленно поднялся. Ноги затекли, колени дрожали. Он подошёл к лестнице. Заглянул вниз.

Внизу был дом. Большой, шумный, чужой. В щель между половицами было видно, как в кухне мелькает прислуга, как окуневая девица тычет пальцем в рулон ткани, а женщина-колобок командует:

— Этот цвет не тот! Мне нужно что-то повеселее! Золушка пусть из объедков себе платье сошьёт, а моим девочкам — лучшее!

Никита отшатнулся от лестницы. Прислонился спиной к холодной стене. Штукатурка крошилась под пальцами.

— Всё, — сказал он тихо. — Я влип. Я влип по-крупному.

Он достал из кармана камни. Три штуки. Серый, зеленоватый, прозрачный. Повертел их в пальцах. Они были холодными, гладкими, безжизненными. Уголёк — чёрный, шершавый — чуть заметно грел ладонь.

— Ладно, — сказал он. — Первое. Мне нужно приготовить обед. Как — я хрен знает. Второе. Меня здесь называют Золушкой, и я должен на это реагировать. Третье — он посмотрел на камни, — третье. Вы обещали три случая. У меня сейчас как раз случай. Может, работает?

Он сжал в кулаке серый камень.

— Хочу уметь готовить, — прошептал он. — Ну, пожалуйста. Хотя бы суп сварить. Или картошку почистить. А то меня здесь убьют шваброй.

Ничего. Снова ничего. Камень оставался холодным и безмолвным. Никита тяжело вздохнул и спрятал камни обратно в карман — теперь уже платя. Карман был маленьким, нашитым криво, и камни неудобно оттягивали ткань.

— Ну, Золушка, — сказал он себе, — держись. Сейчас ты такое приготовишь — мама не горюй. Мама, кстати, тоже не горюй. Я вернусь. Только сначала разберусь с этим бардаком.

И он шагнул вниз по лестнице. На кухню. В новую жизнь, где его никто не ждал, где его считали девушкой и где предстояло сделать то, чего он не делал никогда в жизни. Работать.

Никита-Золушка спустился на кухню.

Ступеньки скрипели под ногами — босыми, грязными, с налипшим песком с того самого острова, который теперь казался раем по сравнению с этим домом. Он держался за перила, потому что ноги тряслись, а ещё потому, что грудь — эта проклятая чужая грудь — мешала смотреть себе под ноги.

Коридор был тёмным, с низким потолком, с редкими свечами в железных подсвечниках. Тени плясали на стенах, придавая им зловещий вид. Откуда-то доносились голоса, звон посуды, чей-то резкий смех. Пахло жареным мясом, луком, кислой капустой — у Никиты засосало под ложечкой. Последний раз он ел сосиски у себя дома, перед монитором.

Но на кухне он выдохнул.

Не потому, что кухня была уютной. Нет. Она была огромной, закопчённой, с низкими потолками, с очагом, в котором что-то булькало, и с запахами, от которых у Никиты защипало в носу. Капуста. Лук. Ещё какая-то зелень, которую он не узнал. И дым. Много дыма.

Но в кухне были люди.

Не мачеха. Не сёстры-некрасавицы. А обычные люди в фартуках, с красными от жара лицами, с засученными рукавами. Они бегали от стола к печи, от печи к кадке с водой, от кадки к полкам с горшками. И никто на него не кричал. Пока.

— Отлично, — прошептал Никита. — Может быть, они меня научат.

Он сделал шаг вперёд. Огляделся.

Из печи выгребала золу торопливая женщина в фартуке. Она двигалась быстро, ловко, будто делала это всю жизнь — совком, аккуратно, чтобы не пылить, в железное ведро. Зола сыпалась серой пылью, и Никита чихнул.

Женщина обернулась на звук, но, увидев, что это всего лишь Золушка, снова принялась за дело. Только покачала головой — то ли с жалостью, то ли с усталостью.

Никита подошёл сзади. Остановился в шаге. Спина всё ещё болела — после швабры, после удара, после всего, что случилось за последний час. Он перебирал в голове все вежливые обращения к женщинам, которые знал.

Мадам? Барышня? Госпожа? Сударыня?

Женщина — нельзя. Он уже понял. Спина напоминала об этом живой, пульсирующей болью.

— Аааа — начал Никита, запинаясь. — Мадам

Женщина повернулась к нему. И уставилась. Глаза её стали круглыми, как два медных таза, висевших на стене.

— Какая я тебе мадам? — переспросила она. Голос был усталый, но не злой. Скорее недоумевающий. — Золушка, ты чего? Матушка твоя рассвирепела, когда на кухне тебя не увидела. Принимайся за работу.

Никита открыл рот, чтобы попросить помощи. Но женщина перебила.

— Она всем запретила тебе помогать, — сказала она, оглядываясь по сторонам, будто мачеха могла выскочить из-за угла прямо сейчас. — Сказала: выпорю, если кто ей подсобит. Я бы очень хотела тебе помочь, правда. Но матушка твоя резка и быстра на расправу. Не стой, торопись, а то опять придёт — разорется.

Женщина вытерла руки о передник, взяла ведро с золой и засеменила прочь из кухни, даже не обернувшись. Только бормотала себе под нос: «И чего это Золушка сегодня как чужая? Мадам Тоже мне, мадам»

Никита остался стоять посреди кухни.

Один.

Слуги сновали мимо, но никто не смотрел на него. Никто не предлагал помощи. Никто даже не кивнул. Он был невидимкой. Золой. Пустым местом.

Повар, толстый, красномордый, в засаленном колпаке, даже не повернул головы. Две девки в передниках чистили картошку и бросали в кадку с водой — они переглянулись, но промолчали. Мальчишка вертел мясо на вертеле и тихонько хихикал, но вскоре получил от повара шлепок поварёшкой.

— Ну ладно, — сказал Никита себе. — Придётся выкручиваться самому.

Он быстро перебрал в голове всё, что умел готовить.

Список был коротким. Очень коротким. Катастрофически коротким.

Пельмени. Купленные. Он умел кидать их в кипящую воду и ждать, пока всплывут. Иногда они разваливались, но мама всё равно ела и хвалила.

Доширак. Залить кипятком, подождать три минуты, слить воду, добавить специи. Но откуда здесь доширак? Из какой вселенной?

Яичница. Два яйца на сковородку, помешать, посолить. Иногда подгорало, но это даже вкуснее.

Всё.

Никита огляделся. Ни холодильника, ни пельменей, ни доширака, ни яичницы в привычном смысле. Вместо этого — печь, дрова, кадка с водой, мешки с крупой, подвешенные к потолку связки трав. На столе — чугушки, плоские, деревянные ложки. В углу — кадка с квашеной капустой, источающая кислый запах.

— Макароны, — прошептал он с надеждой. — Может быть, хотя бы макароны?

Он бросился к полкам. Открыл один шкафчик — крупа. Гречка, рис, пшено — он узнал их по картинкам, стоявших дома коробок. Второй шкафчик — крупа. Овсянка, перловка, что-то ещё серое и рассыпчатое. Третий — сушёные грибы, целые и в порошке. Четвёртый — соль, перец, какие-то коричневые палочки, похожие на кору. Никаких макарон.

— Как они тут живут? — простонал Никита. — Без макарон? Без пельменей? Это не дом, это ад специального назначения.

Он уже хотел опустить руки, когда взгляд его упал в угол. На нижней полке, прикрытая грязной тряпицей, стояла плетёная корзина. Он подскочил к ней, откинул тряпку.

Яйца.

Целое лукошко домашних яиц. Крупных, тёплых, с какими-то перьями на скорлупе. Они лежали на соломе, будто только что снесённые.

— Яйца! — выдохнул Никита. Глаза его загорелись. В груди — той самой, чужой — что-то дрогнуло. Он почувствовал себя так, будто в компьютерной игре нашёл редкий артефакт. Или убил самого грозного босса. — Яйца я вроде умею.

Он схватил корзину, поставил на стол. Огляделся в поисках сковороды. Нашёл. Чугунную, тяжёлую, чёрную, закопчённую, с прикипевшим слоем жира. Поднять её стоило труда — она весила не меньше ведра с водой.

Но тут он посмотрел в окно. За окном был день. Яркий, солнечный, уже за полдень. Солнце стояло высоко, и тени от деревьев укорачивались. Обед.

— Блин, — сказал Никита. — Обед. Одних яиц будет мало. Они же тут, наверное, первое, второе и компот едят. А у меня только яичница. И то не факт, что не подгорит.

Он поставил сковороду обратно. Отошёл к столу.

В голове было пусто. Как в его квартире после того, как мама убралась. Только муть, тревога и противное сосание под ложечкой.

— Ладно, — сказал он себе шёпотом. — Была не была. Сейчас я чего-нибудь сварганю.

Он замолчал. Подумал.

— Если не получится накормить, — продолжал он шёпотом, и в голосе его зазвучали безумные нотки, — может быть, получится отравить. Тогда меня хотя бы в тюрьму посадят. А в тюрьме кормят. Говорят.

Из его рта вырвался тихий смешок. Безумный. Нервный. Тот самый, который вырывается, когда человек понимает, что ситуация хуже некуда, и единственный способ не сойти с ума — начать над этим смеяться.

Он огляделся.

Все слуги уставились на него.

На пару секунд.

Повар с поварёшкой замер. Девка, чистившая картошку, подняла голову. Та самая женщина с золой, которая вернулась за забытым совком, посмотрела на Никиту с выражением «всё, поплыла девочка».

А потом все снова принялись за свои дела. Потому что на кухне всегда есть дела. И некогда смотреть на полоумную Золушку, которая стоит посреди комнаты, сжимает в руках яйцо и тихо смеётся.

Никита вытер слёзы — слёзы ли это были смеха или отчаяния, он и сам не понял.

— Так, — сказал он, хлопнув себя по щекам. — Соберись, тряпка. Камни не работают. Никто не поможет. Только ты, яйца и эта чёртова печь.

Он подошёл к печи. Открыл заслонку. Оттуда пахло жаром, дымом и чем-то горелым. Пламя внутри металось, лизало дрова, выстреливало искрами. Никита шарахнулся, но быстро взял себя в руки.

— Как ей пользоваться — без понятия, — признался он. — Но там огонь. Я с огнём уже знаком. Знач, если ты меня слышишь — помоги.

Печь молчала. Знач не ответил. Только дрова трещали да где-то в вытяжке гулял ветер.

Никита вздохнул. Повернулся к столу.

Перед ним лежали яйца, какая-то крупа в мешке, морковь, свёкла и лук — он их узнал, потому что они лежали в сетках в магазине у дома. Лежали себе спокойно. А теперь из них надо было сварить обед.

Никита закрыл глаза. Представил маму. Как она стоит у плиты в своей старой кофте, помешивает суп и говорит: «Смотри, Никита, запоминай, пригодится».

А он не смотрел. И не запоминал. Он сидел в наушниках и долбил по клавиатуре, потому что там, на мониторе, был финальный босс, а здесь — просто какая-то еда.

— Мам, — прошептал Никита. — Ты была права. Пригодилось бы.

Он взял нож. Нож был тяжёлый, большой, страшный. Лезвие блестело в свете очага. Он никогда в жизни не держал в руках такого ножа — только кухонные, маленькие, для колбасы.

— Ну, — сказал он луковице. — Давай знакомиться. Я — Никита. Я ничего не умею. А ты сейчас научишь.

И он начал чистить лук. Криво. Неровно. Со слезами.

Но начал.

А это уже было больше, чем он сделал за последние полгода.

Глава 4. Работа не волк?..

Никита стоял у печи, как сапёр перед бомбой.

В одной руке он держал чугунную сковороду — тяжёлую, чёрную, с неровным дном. В другой — деревянную ложку, которой, судя по всему, здесь помешивали кашу. Ложка была размером с весло.

Кухня гудела. Печь ревела, огонь внутри метался, лизал чугун, выстреливал искрами. Никита шарахался каждый раз, когда пламя вырывалось наружу. Но отступать было некуда. Сзади — слуги, которые делали вид, что не замечают его. Спереди — голодная мачеха и две некрасавицы, которые, если обед не появится, придут на кухню сами.

Пот заливал глаза, волосы прилипли к щекам. Платье насквозь промокло от пота и жара.

— Ладно, — сказал Никита, сжимая сковороду. — Яичница. Я умею яичницу. Там всё просто.

Он плеснул на сковороду масла. Масла оказалось много — целая лужа. Оно зашипело, забулькало, начало стрелять. Горячие брызги попали на руку — Никита вскрикнул, отдёрнул пальцы, но быстро вернулся, потому что если не вернуться — стогрит всё.

Яйца он разбивал долго. Первое — скорлупа попала прямо в сковороду. Он выловил её пальцами — обжёгся. Второе — разбил неудачно, желток растёкся по столу. Никита вытер лужу рукавом платья, выругался сквозь зубы. Третье и четвёртое — кое-как, но отправились на сковороду. Белок схватился сразу, начал пузыриться, подниматься белой пеной.

— Жарься, — командовал Никита, тыча в яйца ложкой. — Жарься, кому сказал.

Яйца подгорали. Края становились коричневыми, почти чёрными. Запах гари поплыл по кухне. Никита перевернул их — слишком поздно. Обратная сторона была ещё хуже: горелая, с пузырями, мало напоминающая что-то съедобное.

Он отщипнул кусочек, попробовал. Скривился. Горечь, жёсткость, привкус сажи.

— Ничего, — пробормотал он, снимая сковороду с огня. — Замаскируем.

Он схватил пучок зелени, который нашёл на полке — укроп, петрушку, что-то ещё с резким запахом. Порубил его ножом. Получилось не мелко, а большими кусками, но Никите было уже всё равно. Он щедро посыпал яйца зеленью, чтобы закрыть горелые края. Зелень прилипла к подгоревшей корке, но не скрыла её полностью.

— Теперь баланда, — сказал он, переводя дух.

Никита решил варить суп в большом горшке. Чугунный, чёрный, с отколотым краем, он был для зумера абсолютно неизвестным предметом, но самым подходящим из того, что было. Никита заглянул внутрь — вода уже кипела и пузырилась. Он бросил туда всё, что нашёл: картошку — почистил криво, кусками размером с кулак; лук — порубил не поперёк волокон, как попало, крупными полукольцами; морковь — потёр на тёрке, но тёрка оказалась не той, и морковь превратилась в кашу. Добавил крупы. Какой именно — не понял, но сыпал щедро. Посолил. Пересолил. Добавил воды. Перемешал.

— Баланда без мяса, — объявил он, заглядывая в горшок. — Потому что мяса нет. А если бы и было — я не знаю, что с ним делать.

Варево булькало. Пахло странно — не то супом, не то грязными носками. Никита попробовал. Скривился. Солёно, горьковато, крупа не разварилась.

— Аппетитно, — сказал он себе. — Мама бы гордилась. Если бы не умерла от стыда.

Он поставил горшок с баландой на поднос. Рядом — тарелку с подгоревшей яичницей. Схватил ложки, миски, всё это водрузил на дрожащие руки и пошёл в столовую.

Ноги подкашивались. Грудь — эта проклятая грудь — мешала держать равновесие. Поднос качался, баланда плескалась через край, яичница съезжала на сторону. Никита оставлял

за собой мокрые следы на каменном полу. Но он шёл. Не останавливался. Потому что, если остановишься — струсил. А если струсил — швабра.

Перед дверью в столовую он замер. Сделал глубокий вдох. Вспомнил маму — как она ставила перед ним тарелку с пельменями, как улыбалась, как говорила: «Ешь, сынок». Он тогда не смотрел ни на неё, ни на тарелку. Смотрел в монитор. То, что было в мониторе, было важнее маминых стараний. А теперь настала его очередь носить тарелки.

— Справлюсь, — прошептал он.

И толкнул дверь.

Мачеха и сёстры уже сидели за столом.

Огромный деревянный стол, покрытый накрахмаленной скатертью. Высокие окна, тяжёлые шторы. Мачеха — на главном месте, как королева на троне. Окуневая девица и веснушчатая — по бокам. Они стучали ложками по столу, переглядывались, цокали языками.

— Где этот обед? — гремел голос мачехи. — Уморить нас голодом решила? — Торопись, замарашка! — поддакнула окуневая, выпучив свои рыбы глаза. — Мы есть хотим! — проныла веснушчатая, ковыряя родинку на носу.

Никита вошёл в комнату. Остановился у стола. Поставил поднос. Руки тряслись, но он сжал их в кулаки, чтобы не видно было. Убрал за спину.

— Обед, — сказал он. Голос прозвучал тихо, тонко — по-девчачьи. Он опустил глаза в пол, чтобы не встречаться с ними взглядами. Не потому, что так было нужно. А потому что смотреть на них было страшно.

Мачеха наклонилась над тарелкой. Понюхала. Скривилась.

— Что это? — спросила она, ковыряя ложкой в баланде.

Сёстры тоже заглянули в свои миски. Окуневая подцепила кусок картошки, повертела перед глазами.

— Обед, — повторил Никита, не поднимая глаз.

— Обед? — переспросила мачеха. — Это ты называешь обедом?

Она зачерпнула ложку баланды. Отхлебнула серую жидкость.

Тишина.

Никита замер. Сердце колотилось где-то в горле.

Лицо мачехи скорчилось.

Сначала дёрнулась щека. Потом сжались губы. Потом глаза сузились — стали маленькими, злыми, как у хорька. Она поставила ложку на стол. Медленно. С расстановкой.

— Ты отравить нас решила, дрянная мелкая?! — заорала она, вскакивая из-за стола.

Ложка отлетела в сторону, звякнула о пол. Мачеха нависла над Никитой, тяжёлая, гневная, с пылающими щеками.

— Я — начал Никита и попятился. — Я не хотела Я старалась

— Старалась она! — Мачеха схватила со стола тарелку с яичницей. Поднесла к носу. — Это что? Это угли? Ты нам угли подаёшь, мерзавка?

— Там зелень, — пискнул Никита. — Я замаскировала.

— Жечь надо на костре таких! — подхватила веснушчатая.

Мачеха швырнула тарелку на стол. Яичница разлетелась, зелень прилипла к скатерти. Окуневая отпрыгнула, зацепила туфлей кусок горелого яйца и взвизгнула.

— Собирайтесь, девочки, — бросила мачеха, не отводя злого взгляда от Никиты. — В харчевню поедём. Там хоть накормят по-человечески, а не этой — она кивнула на баланду, — дрянью.

Сёстры заулюлюкали, захлопали в ладоши. Окуневая даже подпрыгнула на стуле.

— А ты, — мачеха ткнула пальцем в Никиту, — чтобы всё убрала. Полы намыла до блеска. Бельё постирала. И чтобы ни пылинки, ни соринки. Поняла?

Никита кивнул. Он стоял у стены, вжав голову в плечи, и боялся даже дышать.

Мачеха подошла вплотную. Нос к носу. Никита чувствовал её дыхание — кислое, горячее, с запахом той самой баланды. Глаза мачехи были маленькими, злыми, как две бусинки чёрного перца.

— Не выводите меня, — прошипела она.

Мачеха развернулась — юбка взметнулась, как парус — и зашагала к выходу. Сёстры потянулись за ней, перешёптываясь и хихикая. Окуневая на прощание обернулась и показала Никите язык. Веснушчатая ковырнула родинку.

Дверь хлопнула.

И наступила тишина.

Никита остался один в столовой. Посмотрел на разгром: баланда на скатерти, яичница на полу, осколки тарелки. В углу валялась ложка.

Он опустился на стул. Закрыв лицо руками. Плечи тряслись.

— Я не справился, — прошептал он. — Я ничего не умею. Мама забери меня.

В голове всплыли воспоминания из школьных лет. «Розгами вас не стегали! Видите ли, детей бить нельзя! А раньше били, и все людьми выросли, не то, что ваше поколение пропащее!» — кричала на его класс директриса.

— Дааа, Алла Викторовна сейчас бы Вы, глядя на моё воспитание, порадовались — произнёс он вслух.

Никита постоял ещё секунду, потом ноги подкосились, и он сел прямо на пол. Обхватил колени руками и уставился в одну точку.

— В харчевню, — повторил он шёпотом. — Они в харчевню поехали. А я здесь. С этой баландой с этой гадостью.

В животе заурчало. Громко, настойчиво, требовательно.

— А когда я в последний раз ел? — спросил он себя.

Он не помнил. Сосиски были ещё в той жизни. На острове он не ел — только песок жевал. А потом сразу Знич, советы, прыжок с дуба, чердак, швабра, кухня, этот кошмарный обед.

Никита посмотрел на тарелку с яичницей. Она остыла. Зелень завяла. Яйца затвердели и стали похожи на горелую подошву.

— Выбора нет, — сказал он.

Он взял вилку. Отрезал кусочек. Пожевал.

Это было отвратительно. Горелое, жёсткое, с привкусом сажи и той самой зелени, которая должна была всё замаскировать, но только сделала хуже.

Никита проглотил. Потом ещё. Потом ещё.

Он ел быстро, почти не жуя, чтобы не чувствовать вкуса. Зубы хрустели на подгоревших краях. Глаза слезились — то ли от дыма, то ли от обиды.

Зачерпнул баланду. Ложка утонула в мутной жиже. Попробовал.

Солёная. Горькая. Крупа не разварилась, хрустела на зубах. Картошка развалилась на волокна. Лук плавал крупными кольцами, хрустел, как яблоко.

— Отвратительно, — сказал Никита вслух. — Просто отвратительно.

Но он ел. Потому что есть было нечего. Потому что мачеха не оставила ему ни куска нормальной еды.

— Сейчас бы маминого борща, — прошептал он.

Никита никогда не любил мамин борщ. Он ел его на бегу, быстрее, чтобы вернуться к монитору. Три ложки — и бегом. «Спасибо, мам, вкусно», — бросал на ходу, даже не оглядываясь.

А теперь мамин борщ казался ему мишленовским блюдом.

— Мам, — сказал он в пустоту, — я ничего не понимал.

Тарелки опустели. Не потому, что было вкусно. А потому, что надо.

Никита встал. Оглядел стол. Грязные тарелки. Засохшая яичница на скатерти. Ложки, вилки, разлитая вода.

— Надо убрать, — сказал он.

Он начал собирать посуду. Тарелки — одну на другую. Миски — в стопку. Вилки, ложки — в охапку. Сгрёб всё, что мог унести, и пошёл на кухню.

Коридоры были пустыми. Никита нёс гору грязной посуды, прижимая её к груди. Тарелки дребезжали, ложки звенели. Он боялся уронить, но нёс.

На кухне он поставил всё в большую кадку с водой. Рядом лежала тряпка, мыло. Надо было мыть. Но Никита посмотрел на свои руки — тонкие, красные, с обломанными ногтями.

— Потом, — сказал он. — Сначала полы. Мачеха велела.

Он не заметил, как сказал «мачеха» — не «женщина», а именно «мачеха». Как в сказке.

Никита поднялся на чердак. Швабра так и валялась в углу. Тут же он нашёл ведро и тряпку. Тряпка была грязной, серой, вонючей.

— Мыть полы, — сказал он себе. — Это же не сложно. Водичкой, тряпочкой, туда-сюда. Мама вон каждый день моет. И ничего.

Вернувшись в столовую, Никита налил воды из кадки. Холодной, почти ледяной. Сунул туда тряпку. Выжал кое-как — тонкими девичьими пальцами.

Пол был грязным. Следы от сапог, крошки, какие-то пятна. Он опустился на колени. Пол был холодным — холод пробирал сквозь тонкое платье. Платье Золушки. Грязное, рваное, с заплатками.

— Ну, — сказал он тряпке. — Давай. Дружить будем.

Он начал мыть.

Сначала просто водил тряпкой по полу, оставляя мокрые разводы. Потом понял, что надо тереть. Потёр — грязь не отходила. Придавил сильнее. Отходила, но не вся.

— Как она это делает? — простонал Никита. — Как?!

Он мочил тряпку снова. Тёр. Мочил. Тёр. Колени замёрзли. Пальцы покраснели, онемели. Спина болела.

Через час пол заблестел. Не как зеркало, но хотя бы не было видно следов. Никита сидел на мокрых досках, вытирая лоб подолом платья.

— Я сделал это, — сказал он. — Сам. Без камней. Без магии. Просто тряпкой и водой. Мама, ты бы гордилась.

Он хотел улыбнуться, но вместо этого всхлипнул.

Потому что впереди была стирка. Гора белья в углу. И посуда, которая ждала на кухне.

— Потом, — сказал он. — Сначала бельё.

Никита закрыл лицо руками.

— Мам, — прошептал он. — Если ты меня слышишь заberi меня домой. Я больше никогда не буду просить пельмени. Я буду сам мыть полы. Я буду помогать тебе. Только заberi.

Никто не ответил. Только ветер завывал в трубе.

Никита поплёлся к грязным вещам.

Гора белья лежала в углу — огромная, серая, пропахшая потом. Он потрогал верхнюю рубаху. Влажная, холодная.

— О стиральной машинке и речи быть не может, — сказал он себе. — Всё ручками. Сказка, блин.

Он пошёл искать выход.

Коридоры были длинными, тёмными. Факелы чадили, пахли смолой. Никита шёл, открывая двери. За первой — кладовая. За второй — пустая комната. За третьей — спальня с толстым котом, который даже не поднял головы. За четвёртой — библиотека с пыльными книгами.

— Да сколько их тут? — простонал он.

Наконец, в конце коридора, он увидел высокую дубовую дверь. Дёрнул. Не поддалась. Дёрнул сильнее — с третьего раза, с натугой, с хрустом в плечах — она распахнулась.

И его ослепило солнце.

Никита зажмурился, прикрыл лицо рукой. Постоял так секунд десять, потом осторожно, щурясь, открыл глаза.

Двор был большим, мощёным булыжником. Посередине — колодец с журавлём. Рядом — деревянная кадушка и корыто. Чуть дальше — натянутые верёвки с деревянными прищепками.

А в ста метрах, за оградой, блестела река.

«Раньше воду из реки носили, — услышал он в голове мамин голос. — А теперь кинул в машинку — и всё. Не цените вы, молодёжь, комфорт».

Никита тогда отмахивался: «Мам, отстань, зачем мне стирка, у меня рейд». А теперь стоял посреди средневекового двора и понимал, что мама была права.

— Понятно, — сказал он. — Воду надо натаскать из реки.

Он нашёл два ведра. Деревянные, тяжёлые, с железными обручами. Спустился к реке по тропинке. Ноги скользили по мокрой траве, платье цеплялось за ветки.

Река была холодной. Никита зачерпнул ведро — и чуть не упал. Поставил на землю, перевёл дух. Налил второе. Взял оба за ручки — и пошёл.

Шаг. Второй. Третий.

Спина ныла. Пальцы немели. Вода плескалась через край. Через каждые десять шагов он останавливался, ставил ведро, вытирал пот.

Взбираясь на пригорок, он чуть не упал — нога поехала по траве, ведро наклонилось, половина воды вылилась.

— Да ёлки-палки! — заорал Никита.

Пришлось возвращаться. Снова черпать. Снова тащить.

Наполнив кадушку до половины, Никита уже был похож на варёного рака. Красный, мокрый, с трясущимися ногами. Тело чесалось от комариных укусов.

— Некогда чесаться, — сказал он себе, стирая пот рукавом. — Мачеха вот-вот приедет. Солнце клонилось к закату.

Никита взял первую рубаху. Мокрую, грязную, с какими-то бурыми пятнами. Бросил в кадушку. Нашупал кусок мыла — серого, склизкого, пахнущего дёгтем. Начал тереть.

— Что же ты не моешься? — спросил он у мыла.

Мыло не ответило.

Он тёр. От души. С нажимом. Пятна не отходили. Тёр сильнее — ткань начала противиться.

— Чёрт с тобой, — сказал он. — Пусть будут пятна. Главное — чистая.

Полоскал в той же воде — потому что менять было некогда. Вода стала мутной, серой, с хлопьями пены.

Рубаха. Юбка. Ещё рубаха. Полотенце. Какие-то тряпки, назначения которых Никита не понял. Стирал уже кое-как, на автомате.

Выжимал плохо — вода капала ручьями. Развешивал на верёвках — криво, некоторые вещи падали на землю, и он поднимал их, стряхивал песок и вешал снова.

Никита отошёл на шаг. Посмотрел на свои труды. Мокрое бельё висело рядами, как флаги на параде. Кое-где — пятна. Кое-где — дырки.

— Годится, — сказал он.

Он доковылял до чердака.

Ноги волочились по полу. Руки висели плетью. Он поднялся по лестнице, держась за перила, потому что сил не было даже дышать.

Чердак встретил его запахом пыли и сена. В углу стояла почти голая лавка. Одна подушка — тонкая, жёсткая, набитая чем-то подозрительным. Ни одеяла. Ни простыни.

Никита рухнул на лавку. Подушка противно скрипнула под ухом.

— Мам, — прошептал он, проваливаясь в темноту. — Я так устал

И заснул. Мгновенно. Как выключатель щёлкнул.

Он спал глубоко, без снов, как человек, который впервые в жизни сделал за день столько, сколько не делал за последние несколько лет.

А в это время к замку подъезжала мачехина карета.

Глава 5. Колодец

Карета была старой, скрипучей, с облезлыми гербами на дверцах. Лошади устало перебирали копытами. Кучер, маленький сгорбленный старичок, дремал на козлах.

Внутри пахло застарелым табаком, потом и кожей. Сёстры сидели напротив мачехи, морщась от тряски. Окунева вертела в руках кружевной платок, но мысли её были далеко.

— Пошевеливайся! — крикнула мачеха, стуча в стенку кареты. — Ты как улитка ползёшь!

— Не могу быстрее, матушка, — проскрипел кучер. — Лошади устали.

— Плевать мне на твоих лошадей! — рывкнула мачеха. Она высунула голову в окно, шурясь в сумерки. — Вечер уже. А эта дрянь, наверное, и половины не сделала. Я её выпорю. Выпорю, как сидорову козу!

Окуневая девица сидела рядом, теребила кружево на платье.

— Маменька, — вкрадчиво сказала она, — а может, не надо пороть? Она и так какая-то странная сегодня.

— Молчать! — оборвала её мачеха. — Сама разберусь.

Веснушчатая, сидевшая напротив, ковыряла родинку и молчала. Она всегда молчала, когда мачеха злилась. Только глаза её блестели в темноте кареты — в предвкушении.

Карета остановилась.

Лошади фыркнули, тряхнули гривами. Кучер слез с козел, кряхтя и охая, и отворил дверцу. Мачеха вышла первой — тяжело, грузно, опираясь на поданную руку. Следом, шурша юбками, высыпали сёстры. Окунева поправила чепец. Веснушчатая ковырнула родинку.

— Ну, — сказала мачеха, оглядывая двор, — посмотрим, что сделала эта бездельница.

Вечерние тени лежали длинными полосами. Солнце уже село, и только багровая полоска тлела на горизонте. Ветер шевелил мокрое бельё на верёвках, оно хлопало, как грязные флаги.

Мачеха не пошла в дом. Вместо этого она свернула к бельевым верёвкам. Бельё висело — серое, мокрое, кое-где капающее на землю. Рубахи, юбки, полотенца — всё вперемешку, как попало. В воздухе пахло сыростью, речной водой и дегтярным мылом.

Мачеха подошла ближе. Нахмурилась. Остановилась у первой рубахи — той самой, с бурыми пятнами, которые Никита так и не смог оттереть.

— Пятна, — процедила она сквозь зубы. — Не выстираны.

Она потянула ткань на себя, рассматривая. Пальцы её нащупали дыру — там, где Никита тёр слишком сильно, пытаясь вывести грязь.

— И протёрла, — добавила она тихо, почти ласково. Но в этой ласковости было что-то змеиное.

Она пошла дальше. Рубаха. Пятна. Юбка. Протёртость. Полотенце. Ещё пятна. Каждая следующая вещь добавляла складку на её лбу. Пальцы сжимали ткань, кулаки белели.

— Кадушки, — сказала она, оборачиваясь.

Вода так и осталась в кадушке. Мутная, серая, с хлопьями пены и какими-то тряпками, которые Никита забыл вытащить.

— Эта бездельница не удосужилась вылить, — процедила мачеха сквозь зубы. Губы её сжались в тонкую нитку. — Всё как есть оставила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.